

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ ОТМЕНЫ ПОДУШНОЙ ПОДАТИ В СИБИРИ КАК ЗЕРКАЛО ЭВОЛЮЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЛОГОВ В XIX В.

В научный оборот вводятся два документа 1893 г., связанные с подготовкой сибирской налоговой реформы 1898 г. Их сопоставление с текстом закона показывает, что по ходу разработки реформаторы отказались от мысли сделать основным налогом сибирских крестьян поземельный налог и сделали выбор в пользу государственной оброчной подати. При этом и подушный (до реформы), и поземельный (после реформы) способы обложения сибирских крестьян оформляли стремление чиновников привести податное бремя в соответствие с платежеспособностью крестьян. Реформа 1898 г. знаменовала один из рубежей давно начавшейся эволюции, которая завершилась вступлением в жизнь подоходного налога образца 1916 г.

Ключевые слова: налоговая система российского капитализма, подушная подать в Сибири, поземельный налог, государственная оброчная подать, Томская казенная палата, Кутлер Николай Николаевич.

А.К. KIRILLOV

HISTORY OF ELABORATION OF THE CAPITATION TAX ABOLITION AT SIBERIA AS A MIRROR OF THE RUSSIAN PEASANTS' TAXES EVOLUTION IN THE 19TH CENTURY

Two documents dated 1893, concerning elaboration of the Siberian tax reform of 1898, are introduced into scientific use. Their comparison to the law of 1898 shows that by the course of the law elaboration the reformers gave up the idea to make land tax (*pozemelniy nalog*) the main tax for Siberian peasants; instead they chose state land rent (*obrochnaya podat'*). Both the pre-reform method of taxation (per capita) and the post-reform one (per land unit) would formalize the aspiration of the officials to make tax burden match paying capacity of peasants. The reform of 1898 was one of the landmarks of the long-lasting evolution that resulted in the introduction of the income tax as designed by the law of 1916.

Keywords: Tax System of the Russian Capitalism, Capitation Tax at Siberia, Land Tax (*pozemelniy nalog*), State Land Rent (*obrochnaya podat'*), Tomsk Treasury Office (*kazennaya palata*), Nikolai Kutler.

Подушная подать — одно из явлений, которые уже в начале «оттепели» середины XIX в. воспринимались как явные пережитки. Уничтожение именно этого пережитка затянулось. Отмена подушной подати для крестьян состоялась уже после смерти «царя-освободителя», в министерство Н.Х. Бунге (1885).

В Сибири отмена подушной подати произошла еще позже: только в 1898 г. Несомненна связь этой реформы с развернувшимся переселением в Сибирь. Именно в фонде Переселенческого управления В.Н. Худяков обнаружил проект этого закона, предложенный на обсуждение министров в начале 1896 г. Как явствует из проекта, толчок реформе был дан Госсоветом в 1890 г.— как раз на другой год после закона 13 июля 1889 г., ставшего вехой в развитии переселения [7, с. 227–228]. Реформа 1898 г., таким образом, важна для уяснения периодизации сибирской истории XIX в. Если в истории Европейской России рубежом стали реформы первой половины 1860-х гг., то в Сибири новая жизнь началась тремя десятилетиями позже, в связи с Транссибом и массовым переселением.

В то же время, реформа 1898 г. в Сибири имеет значение для изучения общероссийской налоговой истории. Платежи казенных крестьян Сибири и Европейской России до реформы 1885 г. были одинаковы: подушная подать плюс оброчная подать. После реформ 1885 и 1898 гг. платежи стали разными.

Закон 28 мая 1885 г., отменивший подушную подать в Европейской России, ничего не говорит о заменяющих ее сборах¹. Значит, крестьянам центра страны оставалось платить налоги имевшиеся до реформы и не отмененные в ее ходе. Главный из них — поземельный налог [2, с. 70]. С 1875 г. он существовал (и для крестьянских обществ, и для частных владельцев) в качестве государственного, еще раньше его платили в составе земских сборов.

Между тем, закон 19 января 1898 г. (сибирская реформа) не только отменил подушную подать (заодно с оброчной, подымной, сбором на межевание, ясачным сбором), но отдельным пунктом прописал установил новые налоги. «Взамен отменяемых, согласно отд. I, душевых сборов, взимать за отведенные от казны земельные наделы — государственную оброчную подать, а за земли, принадлежащие крестьянам и инородцам на праве собственности, — поземельную подать» [6, № 14908, с. 40 (закон 19 января 1898 г.)]. Государственная оброчная подать и стала после реформы главным налогом сибирских крестьян.

В действиях законодателя можно увидеть вполне определенный смысл. Бывшие помещичьи крестьяне центра страны, хотя далеко еще и не выплатили выкупные платежи, по выполнении этого обязательства должны были получить наделные земли в свою собственность (пусть и совместную, а не единоличную). Государственные крестьяне Европейской России одновременно с отменой у них подушной подати тоже были переведены на выкуп [3, № 2988, с. 238 (закон 28 мая 1885 г.); 4, № 3807, с. 303–304 (закон 12 июня 1886 г.)]. В Сибири же земли по-преж-

¹ Исключение — выкупные платежи, в которые должна быть преобразована оброчная подать государственных крестьян, но это не налог и не для всех (см.: [3, № 2988, с. 238 (закон 28 мая 1885 г.)]).

нему были собственностью правительства. Долгожданное сибирское землеустройство, начатое законом 23 мая 1896 г., оставляло сибирских крестьян лишь пользователями казенной земли [5, № 12998, с. 503–505]. Следовательно, можно сделать вывод, что в обеих реформах (1885 и 1898 гг.) соблюден один и тот же подход: за собственную землю платится поземельный налог, за казенную — государственная оброчная подать.

Однако при начале разработки сибирской реформы замысел был иным. Убедиться в этом позволяет отношение, 8 июля 1893 г. направленное из Департамента окладных сборов Министерства финансов в Томскую казенную палату [1, л. 1–4]. Вице-директор департамента Н.Н. Кутлер сообщал о том, что в министерстве «разрабатывается вопрос об установлении в губерниях и областях Сибири, взамен подушной и оброчной податей, основанных на подушном счете населения, казенного поземельного налога» [1, л. 1].

Важно уточнение на следующей странице: «поземельный сбор может быть взыскиваем лишь с тех разрядов крестьян и инородцев, в пользовании которых находятся казенные земли, равно как и с тех, которые владеют землею на праве полной собственности (с последних, однако, в уменьшенном размере)», а «безземельных крестьян представлялось бы справедливым совсем освободить от взимаемых с них подушных сборов [1, л. 1 об.]

Слово «лишь» в начале предложения наводит на мысль о том, что пользователи казенных земель противопоставляются частным владельцам. Однако завершение цитаты не оставляет сомнений в том, что противопоставление идет по другой линии: земельные/безземельные. Зато землепользователи и землевладельцы объединяются в группу тех, кто должен платить проектируемый поземельный налог.

Речь не идет о том, что разработчики забыли о сибирских особенностях. В отношении Кутлера четко сказано о том, что плательщиками поземельного налога должны стать и землевладельцы, и пользователи казенной земли. В законе, принятом четыре с половиной года спустя, для этих двух групп так же четко установлены разные налоги. Значит, по ходу подготовки реформы в изначальные планы было внесено исправление. Противопоставление собственников и пользователей земли, заложенное в законе 1898 г., изначально не казалось реформаторам необходимым. Вероятно, это условие было введено по настоянию тех, кто стремился подчеркнуть сохранение сибирских земель в казенной собственности.

Подытоживая реформу 1898 г., В.Н. Худяков пишет, что «этим законом в Сибирь фактически переносилась система налогов, которая была установлена в 1860-х — начале 1880-х гг. для бывших государственных крестьян Европейской России» [7, с. 228]. Различие между поземельным налогом и оброчной податью историк, таким образом, считает несущественным. Оценка небезосновательная, поскольку способы раскладки

этих двух сборов между селениями похожи. Обсуждение этих способов и составляет наиболее интересную часть разбираемого дела.

Вот что говорилось в отношении Н.Н. Кутлера: «Назначенная по каждому округу сумма поземельного налога подлежала бы, как выше указано, разверстке только между обществами крестьян старожилов и оседлых инородцев, по соображению с данными о количестве и доходности земли, с принятием в расчет условий сбыта продуктов, а также [по соображению с] данными о рабочей силе населения (для соображения, какое количество земли может быть обработано населением)» [1, л. 2]. Таким образом, в основе обложения — не столько земля, сколько получаемый налогоплательщиками доход. Кто богаче, тот должен платить больше — таков замысел столичных реформаторов. Минфин второй половины XIX и начала XX в. не скрывал, что именно таков общий смысл всех проводимых налоговых реформ.

В архивном деле из фонда Томской казенной палаты сохранился не только департаментский запрос, но и ответ палаты [1, л. 68–80]. Итоговый черновик, заверенный неразборчивой подписью начальника отделения, датирован 3 сентября 1893 г.

Томские чиновники встретили столичную инициативу благожелательно: «введение взамен подушной и оброчной подати и межевого сбора — поземельного душевого налога весьма желательно, так как этим упростится податное дело» [1, л. 68]. При этом автор ответа указал на неразмежеванность сибирских земель, но подчеркнул, что это не является препятствием к поземельному налогу, «ибо в необмежеванных волостях крестьяне и инородцы пользуются, по обычному праву и в силу необходимости, казенными землями в таком размере, какой им необходим» [1, л. 68об.]. Последняя формулировка подразумевает, что недостатка в земле нет, а значит, крестьяне живут хорошо и могут платить налоги. Таким образом, томские сотрудники Минфина тоже воспринимали поземельный налог не как обложение земли, а как обложение платежной силы.

В томском ответе этот взгляд выражен даже более ярко, чем в исходном запросе. Поддерживая общий замысел реформы, палата сделала две оговорки. Прежде всего, автор записки воспротивился освобождению от налогов безземельных крестьян. Избавление крестьян из ссыльных от податного бремени, — говорится в документе, — «неизбежно усилит в них леность и беззаботность к устройству своего хозяйства, в то время как условия Сибири по своей привольности и способах [так в тексте. — А. К.] к заработкам (например, золотые промыслы и проч.) дают возможность даже мало-радивым ссыльным устраиваться безбедно в ссылке» [1, л. 69–69об.].

Под конец томичи обращали внимание, что нельзя провести реформу без согласования с руководством Алтайского горного округа, в казну которого (то есть, в Кабинет его императорского величества) поступает

4,5 р. из платимых местными крестьянами 6 р. с души. В то же время, высказывалось желание «поставить эту надежную платежную силу в такие условия, при которых платилось бы казне не по 1 р. 50 к. с души в год, как это платят ныне означенные крестьяне, а по крайней мере в три раза более» [1, л. 74–74об.]. Для этого предлагалось при поддержке казны провести выкуп крестьянами земель у Кабинета на основе капитализации оброка. Очевидно, что автор документа имел в виду опыт реформы 19 февраля 1861 г. Эту операцию он называл выгодной и для Кабинета, и для крестьян, и для госбюджета. Выгода казны виделась в том, что «выкупивши землю, крестьянин легко может платить казне налогу не 4 р. 50 к., а даже 6 р. в год» [1, л. 74об.].

Таким образом, и томские сотрудники казенной палаты, и руководители Департамента окладных сборов, рассуждая о мероприятиях в области крестьянских налогов, держали в голове доходы плательщиков. Разница лишь в том, что департамент предлагал учитывать их на основе данных о землепользовании, а томичи были не готовы вовсе отказаться от «старых добрых» душ. Впрочем, это различие не играет существенной роли для автора томской записки: реформу он все-таки поддерживает. Похоже, что выбор основания для расчета крестьянских налогов (душа или десятина) волнует его меньше, чем неоднократно упоминаемые ссыльные, «которые не мало угнетают в экономическом отношении старожилов» [1, л. 69об.].

Дело в том, что подушное обложение лишь по названию безразлично к доходу, на деле же в этом налоге всегда присутствовал подтекст платежеспособности. Уже при Петре I делалось различие между государственными крестьянами (на которых накладывалась, дополнительно к подушной, оброчная подать) и помещичьими. При Павле губернии были разбиты на 4 разряда с установлением для них «вилки» оброчной подати от 3,5 до 5 р. В ходе Киселевской реформы (1842 г.) было провозглашено «переложение» подушной и оброчной подати с душ на землю и промыслы. При самом П.Д. Киселеве это коснулось 19 губерний Европейской России, со временем распространилось и на окраины. С 1899 г. действовало (формально — только в Европейской России, на деле — и в Сибири тоже) правило о том, что в раскладочных приговорах сельских обществ должны точно показываться основания раскладки налога. На уровне инструкций и устных распоряжений чиновники подталкивали крестьян к тому, чтобы эти основания отражали зажиточность плательщиков.

Наличие, и постоянное усиление, имущественной составляющей в крестьянских налогах (формально — подушных или поземельных) важно для понимания развития налоговой системы в обновленной капиталистической России. Обсуждение подоходного налога с конца 1850-х гг. наткнулось на возражения о неготовности населения, о недостаточности податных органов; между тем, в 1916 г. подоходный налог был вве-

ден и — как показывает сибирский опыт — начал работать, в том числе и у крестьян. Это выглядит парадоксом, если не учитывать постепенного движения к подоходному принципу на протяжении десятилетий. Значение сибирской податной реформы 1898 г. — в том, что она стала одной из ступеней на пути к подоходному налогу.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Томской области. Ф. Ф-196 (Томская казенная палата). Оп. 4. Д. 64.
2. Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья) / О. И. Марискин. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 240 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 5 : 1885. — СПб., 1887.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 6 : 1886. — СПб., 1888.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 16 : 1896. — Отд. 1. — СПб., 1899.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 18 : 1898. — Отд. 1. — СПб., 1901.
7. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В. Н. Худяков. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1986. — 266 с.

Информация об авторе

Кириллов Алексей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Author

Kirillov Alexey Konstantinovich — PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

УДК 338(571.53)(091)
ББК 65.9(253.7)г

А.М. КУРЫШОВ

ИЗМЕНЕНИЕ СПОСОБА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ У ТОФОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Рассматриваются направления модернизации традиционного хозяйства тофов (карагасов), связанные с изменениями способа природопользования в контексте трансформации системы традиционного хозяйства.

Ключевые слова: традиционное хозяйство; трансформация хозяйства; тофы; тофалары; карагасы; способ природопользования.